

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

6

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года



К. ШАНИЯЗОВ

О РОЛИ КАРЛУКСКОГО КОМПОНЕНТА В ЭТНОГЕНЕЗЕ
УЗБЕКСКОГО НАРОДА*

Узбекская народность сформировалась на сложной этнической основе. Помимо древних автохтонных племен и народов Средней Азии (согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, ферганцев, саков, массагетов, тохаров и др.), в ее генезисе участвовал и ряд других компонентов древнего и раннесредневекового периода (усун, канглы, аргын, тюргеши, кипчаки и др.), принадлежавших в прошлом к различным этнокультурным средам и племенным союзам. Большую роль в этом процессе сыграли карлуки, оказавшие значительное влияние и на сложение узбекского литературного и разговорного языка.

Основная масса средневековых карлуков постепенно входила в состав оседлого тюркоязычного населения Среднеазиатского междуречья. Некоторая часть карлуков сохраняла отдельные черты традиционного быта вплоть до конца XIX — начала XX в. Они жили разбросанно в ряде селений на территории нынешних Ташкентской, Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областей Узбекистана¹ и южных районов Таджикистана². Значительные группы их были расселены и в районах Северного Афганистана³.

На территории Бухарского оазиса в прошлом жили также потомки одного из родственных карлукам племен — халаджи. Они давно слились с оседлым тюркоязычным населением; лишь небольшая группа их вплоть до начала XX в. помнила, что принадлежала к племени халадж. Группа халаджей (самоназвание — халач) жили также в пяти кишлаках, расположенных в низовьях Кафирнигана (ТаджССР)⁴. Кроме того, в бассейне среднего Зарафшана, в Бухарском оазисе и верховьях Кашкадарьи жили группы оседлого населения, которые назывались карахани. Видимо, это были остатки разноплеменного населения караханидского периода (середина XII в.), в политической жизни которого карлуки играли ведущую роль.

Карлуки были носителями «йекающего» диалекта. Один из диалектов современного узбекского языка именуется карлукским и подразделяется на ряд говоров: ферганский, ташкентский, джизакский,

* Печатается в порядке обсуждения вопросов, затронутых в статье: Алексеев В. П., Аскарлов А. А., Ходжайов Т. К. Некоторые проблемы комплексного изучения этногенеза узбекского народа. — «Общественные науки в Узбекистане», 1980, № 11, с. 26—34.

¹ Подробно о расселении карлуков на территории нынешнего Узбекистана в конце XIX — начале XX в. см.: Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 37—44.

² Кармышева Б. Х. Очерк этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 79—83.

³ Шаниязов К. Ш. Указ. соч., с. 36—37.

⁴ Кармышева Б. Х. Указ. соч., с. 83.

самаркандский, бухарский и др.⁵ Карлукский диалект широко распространен в селениях и городах Кашкадарьинской⁶ и Самаркандской областей, а также в южных районах Таджикистана. На карлукском диалекте говорили группы узбеков Северного Афганистана⁷.

Как видим, география распространения карлукского диалекта во многом совпадает с районами их расселения в центральных областях Средней Азии в раннесредневековый и средневековый периоды. Это, на наш взгляд, подтверждает важную роль карлукского компонента в этнической истории узбекского народа.

Не останавливаясь подробно на вопросах происхождения и продвижения карлуков, считаем нужным указать лишь на основные этапы их этнической истории, процессы вхождения в этническую среду автохтонного населения и участия в сложении узбекской народности.

Карлуки — племя алтайского происхождения. На территории Средней Азии они появились еще в VI в. н. э.

Вначале карлукский племенной союз состоял из трех крупных племен (уч-огуз), среди которых самым многочисленным было племя чигил. В результате непрерывной борьбы с Западным и Восточным каганатами (VI—VII вв.) первоначальный союз карлукских племен распался и образовался ряд новых племенных объединений, носивших название карлук: 1) объединение карлуков, расселившихся в верховьях Иртыша, в Южном Алтае, Тарбагатае и Джунгарии; 2) в районах Хангайского хребта и Танну-Ола; 3) в Кашгаре, Яркенде и в районе Хотана; 4) в Тохаристане, куда они мигрировали еще в VI—VII вв.⁸

Постепенно усилившись, карлуки одержали победу над тюрешами и в 766 г. овладели «бывшими землями десяти родов», т. е. землями, принадлежавшими ранее Западнотюркскому каганату. Столицей карлукских ханов стал г. Суяб. Таким образом, карлуки оказались обладателями обширных территорий от района оз. Балхаш и Джунгарского Алатау до Сырдарьи, включая значительную часть Ферганской долины. Некоторые группы их проникли и за Сырдарью. О расселении карлуков в Семиречье, особенно в долинах Чу и Таласа, говорится в сочинении VIII—X вв. «Танхуйяо»⁹. Довольно компактная группа карлуков жила в Ферганской долине. Первые отряды их проникли сюда, видимо, еще в VI в., а в VII в. число их здесь заметно увеличилось за счет притока новых групп карлуков-чигилей. В 30—40-е годы VIII в. владельцем Ферганы был Арслан-бег из карлукского племени чигил¹⁰. При нем карлуки владели почти всей территорией Ферганской долины.

В середине VIII в., воспользовавшись ослаблением Арслан-бега, воевавшего тогда с тюркешским правителем Тараза, арабы нанесли карлукам серьезное поражение. Последние вынуждены были уходить из южных, западных и центральных районов Ферганы в ее восточную

⁵ Шоабдурахмонов Ш. Узбек шевалари ва уларни ўрганиш ҳақида умумий маълумот.— В кн.: «Узбек халқ шевалари лугати», Тошкент, 1971, 397—404-бетлар.

⁶ Жураев Б. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969, 11, 105, 111-бет; Шерматов А. Ш. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978, с. 12—22 и след.

⁷ Лигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана.— В кн.: *Acta Orientalia. Academiae Scientiarum Hungaricae. Regiget L. Ligeti, Tomus IV, Budapest, 1954, p. 93—145.*

⁸ Подробно об этнической истории и расселении карлуков в раннесредневековый период см.: Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 13—31.

⁹ Зуев А. Ю. Тамги лошадей из восточных княжеств. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, с. 126.

¹⁰ Полное имя и титул его — Арслан Эль Тиргюк Алп Бургчан Алп Таркан бег. См.: Бернштам А. Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1949, с. 25, 26, 38.

часть — междуречье Нарына и Карадарьи, а столица их была перенесена в г. Кашгар.

Однако не все карлуки под натиском арабов ушли из равнинной части Ферганы. Отступили только правящая знать и богатые кочевые скотоводы. А бедные слои карлуков, находясь в течение почти двух столетий в окружении древнеземледельческого населения и под влиянием последних, переходили к оседлости, становились жителями городов и селений и, таким образом, консолидировавшись с местным тюркоязычным пластом, закладывали основу формирования раннесредневековых предков ферганских узбеков.

По всей вероятности, карлуки, расселившиеся в Яркенде, Хотане, Кашгаре и других районах Восточного Туркестана, а также в междуречье Нарына и Карадарьи, в IX — первой половине X в. составляли единое этнополитическое объединение, правитель которого находился в зависимости от джабгу карлуков Семиречья. Эту обширную территорию карлуки удерживали в своих руках до середины X в., т. е. до прихода к власти династии караханидов, которая образовалась именно там (в междуречье Нарына — Карадарьи и в Кашгарии), где, как указывалось выше, были расселены карлукские племена.

Хотя источники дают нам представление об обширности владений карлуков, однако в данном случае под «владениями карлуков» подразумеваются не только земли, на которых жили карлуки и родственные им племена (чигил, халаджи, ягма и др.), но и местное оседлое население оазисов, а также остатки племенных объединений дулу, нушиби, тюргеши и др., кочевавшие от Джунгарского Алатау и Тарбагатай на севере до берегов средней и верхней Сырдарьи на юге.

Основная же масса карлуков в VIII—IX вв. жила в бассейнах Таласа и Чу¹¹, к юго-западу от Иссык-куля¹² и к северу от этого озера, до среднего течения р. Или включительно. Они жили также к югу от Иссык-куля, по обоим склонам Тянь-Шаня¹³, в Фергане¹⁴, Исфиджабской (нынешней Чимкентской) области, а также в Ташкентском оазисе¹⁵. Значительная группа карлуков и других тюркских племен прошла на левый берег Сырдарьи до бассейна Зарафшана, где уже в середине VIII в. некоторая часть их вела оседлый образ жизни.

Автор «Худуд ал-алем», говоря о районах расселения карлуков, отмечал: «Эта область (халлухов) — заселенная и самая богатая среди всех тюркских областей. В ней есть проточные воды, а климат умеренный. Из нее вывозят различные меха. Они люди общительные, добронравные и приятные... В этой [области] есть города и деревни. И халлухи частью охотники, частью земледельцы и частью пастухи [кочевники]. Доход их от овец, лошадей, [а также] от различных мехов. Люди они воинственные...»¹⁶ Далее приводятся названия более 20 родов и крупных населенных пунктов, принадлежавших карлукам.

Из сведений «Худуд ал-алем» нельзя не заметить, что в среде карлуков происходили классовое расслоение и дальнейшее развитие феодальных отношений. Очевидно также, что значительная часть карлу-

¹¹ Худуд ал-алем. Рукопись Туманского, с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930, л. 136.

¹² Там же, л. 176, 186.

¹³ Там же, л. 16а, 18а.

¹⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М., 1950, с. 229; Т. II. М., 1950, с. 329; Т. III. М., 1953, с. 213—216.

¹⁵ Риттер К. Земледелие и география стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный Туркестан. Вып. II. СПб., 1873, с. 202.

¹⁶ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 42.

ков под влиянием местного оседлого населения перешла к оседлости и занималась земледелием. Среди них было немало ремесленников и торговцев.

Карлуки, находясь длительный период в окружении оседлого населения Мавераннахра и Семиречья, не только восприняли его культуру, но и сами оказали определенное влияние на культурную жизнь как оседлого, так и полукочевых, кочевого населения центральных районов Средней Азии. Во-первых, под влиянием оседлой, более культурной части карлуков многие кочевые и полукочевые группы племен постепенно переходили к оседлости, воспринимая традиционную культуру местного населения; во-вторых, карлукский «йекающий» диалект¹⁷ получил широкое распространение как среди местного оседлого населения, так и среди определенного круга кочевых и полукочевых племен. В результате уже к середине IX в. в некоторых областях Мавераннахра и Семиречья сложился единый для этого региона как разговорный, так и литературный тюркский язык.

Между саманидами и государством карлуков (как ранее — между арабским наместничеством и карлуками) хотя и существовала определенная граница, но четкого разграничения в современном смысле не было. Если кочевые тюркские племена из районов северной Сырдарьи приходили мирным путем, то они свободно поселялись в Мавераннахре и получали от местных властей пастбища и места зимовок. Такое мирное переселение происходило, например, в 60—70-х годах IX в., сразу же после установления власти карлуков в Семиречье. В этот период в Среднеазиатское междуречье мигрировали аргу, тухсы, аз, канглы и др., не желавшие подчиниться власти карлукских правителей. В дальнейшем приток тюркских племен в Мавераннахр постоянно увеличивался. Те группы кочевых племен, которые принимали мусульманство, легко могли поселиться в присырдарьинских степях, а также в оазисах Среднеазиатского междуречья¹⁸. Многие военачальники и правители отдельных областей как при арабах, так и при Саманидах были из тюрков¹⁹. Они приходили служить не только со своими семьями, родами, но в ряде случаев и со своими племенами.

В самом Мавераннахре, в Хорезме и Ташкентском оазисе с древнейших времен проживало как оседлое, так и кочевое и полукочевое тюркоязычное население.

Оседлое тюркоязычное население было расселено главным образом в Ферганской долине и в бассейне среднего и нижнего Зарафшана, а также в южных районах нынешнего Узбекистана. Оно постоянно пополнялось за счет оседания кочевых тюркских племен, живших в самом Мавераннахре и в Хорезме или мигрировавших из областей Семиречья. О переселении значительной группы тюркского населения из районов Туркестана и постоянном оседании их в Бухарском оазисе еще в VI в. н. э. рассказывал в своем труде Наршахи²⁰. Определенные группы тюркских племен (тюргеши, аргу, тухсы и др.) жили оседло в районе среднего течения Зарафшана еще в VI—VII вв. Часть карлуков, чигилей, халаджей и огузов, поселившихся в этих районах в VII в., также переходили к оседлости. В VIII в. в Фергане имелись

¹⁷ Шониёзов К. Қарлуқ қабиләси ва унинг тили ҳақида айрим мулоҳазалар.— В кн.: «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», 4-китоб, Тошкент, 1962, 481—490-бетлар.

¹⁸ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Л., 1938, с. 184.

¹⁹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1, с. 53, 55 и след.

²⁰ Абу Бакр Муҳаммад ибн Жаъфар Наршохий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966, 15—16-бетлар.

сильные карлукские элементы. В этот же период значительная группа карлуков жила в Ташкентском оазисе по соседству с огузами²¹. В Хорезме еще в первых веках нашей эры была расселена значительная группа тюркоязычного племени печенегов. Большая часть их была оседлой. Однако определенные группы их продолжали кочевать вплоть до X в. в районах между Сарыкамышем и нижним течением Амударьи²². Другая группа их жила в среднем течении Сырдарьи в составе огузов²³.

В то же время значительная группа согдийского населения в VI—VIII вв. проживала в Семиречье²⁴. Они были расселены в городах и селениях, находившихся на торговом пути, идущем из Передней Азии в Китай. Согдийцы жили в окружении тюркского населения и поддерживали с ним тесные культурно-экономические контакты. Это способствовало ассимиляции семиреченских согдийцев с тюрками²⁵. Еще в IX в. Махмуд Кашгарский писал, что в Баласагуне²⁶ «живет группа людей, называющих себя Сугдак, которые переселились из Согда, [области], расположенной между Бухарой и Самаркандом, они даже отюречены»²⁷.

Итак, процессы сближения и взаимного слияния согдийцев с тюрками и наоборот шли не только в пределах Мавераннахра, Хорезма, но и в северных областях Средней Азии, а главным образом в Семиречье и в Восточном Туркестане.

В ходе длительного этнокультурного процесса, начавшегося еще в древние времена, как в Мавераннахре, Хорезме, так и в областях к северу от Сырдарьи, образовался определенный пласт оседлого тюркоязычного населения. В дальнейшем его состав пополняется все новыми группами переходивших к оседлости тюркоязычных племен, а также тюркизированных в языковом отношении групп согдийского и хорезмийского населения. При этом этнокультурные и экономические контакты согдийского и тюркского населения осуществлялись не только в Мавераннахре и прилегающих к нему северо-западных районах, но и в областях Семиречья.

Судя по сообщениям «Худуд ал-алем», Ауфи, а также сведениям Н. Я. Бичурина, каждое карлукское племя Семиречья имело в своем составе несколько родовых объединений (колен), которые подразделялись на множество родов и более мелких подразделений. Во главе родовых объединений (колен) стояли эльтиберы, а родовых общин — беги.

Все карлукские племена объединялись в крупный племенной союз во главе с выборным вождем, который носил титул ябгу (джабгу), а его помощник — кудеркин²⁸. Такая нерархическая лестница существовала в карлукском обществе до середины VIII в. Возможно, к этому времени относится высказывание Абу-л Газн о том, что карлуки, «поставив одного лучшего из своей среды государем над собой, по смерти

²¹ История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950, с. 269.

²² Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. III. Ташкент, 1966, с. 95—96.

²³ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Т. I. Тошкент, 1960, 450-бет.

²⁴ Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья.— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. VI, М.—Л., 1940, с. 34—43.

²⁵ Там же, с. 41.

²⁶ Баласагун соответствует развалинам Ак-пешин, находящимся близ современного г. Токмака.

²⁷ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк, 409-бет.

²⁸ Якубовский А. Ю. Сельджукидское движение в Туркмении в XI в.— «Известия АН СССР», 1937, № 4, с. 227.

его опять избирали кого-нибудь»²⁹. С обоснованием карлуков в Семиречье и значительной части Восточного Туркестана и Ферганской долины функция джабгу значительно расширяется: из главы племенного союза карлуков он превращается в верховного вождя всех попавших под его власть племен и народов.

Середина IX в. явилась переломным моментом в жизни тюркских племен Средней Азии. К этому времени у тюрков-карлуков и подвластных им племен, населявших Семиречье, Восточный Туркестан, Ферганскую долину, усиливается процесс развития феодальных отношений. Главы крупных родов и племен стремились стать независимыми от верховного вождя-джабгу, что послужило причиной бесконечных междоусобных войн и раздоров. Для прекращения их необходима была крепкая государственная власть, т. е. «сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»³⁰.

Для тюркских племен середины IX в. такой силой явилось, несомненно, карлукское государство, образовавшееся в 840 г. Оно объединяло как оседлое, так и кочевое население областей по обе стороны главного хребта Тянь-Шаня, включая северные районы Ферганской долины.

В государственном управлении карлуков (основную роль в котором играли племена чигил и ягма) сохранились некоторые пережиточные черты доклассового общества. Например, верховная власть еще отражала дуальную организацию: правительство возглавлял верховный хакан (каган), главным образом из племени чигил, а соправителем был хакан из племени ягма³¹. Тотемом (онгоном) чигилей был арслан (лев), а ягма — богра (верблюд)³². Их онгоны одновременно служили и титулами правителей (Арслан-хан и Богра-хан).

В течение второй половины IX — первой половины X в. продолжают дальнейшая консолидация тюркоязычных племен и переход значительной части их к оседлости, а также слияние с ними некоторых не тюркских по языку этнических элементов (согдийцев, асов и др.). Вместе с тем идет процесс дальнейшего развития и упрочения культурно-экономической жизни общества и формирования узбекской народности.

Так, в IX—X вв. формируется народность, ставшая впоследствии именоваться узбеками. Основное ядро ее составило тюркоязычное и тюркизированное автохтонное оседлое и полуседлое население северных и северо-восточных областей Мавераннахра и прилегающих районов.

В 940 г. образовалось государство караханидов³³. Сопоставление данных ряда исторических источников убеждает нас в том, что появление его, собственно говоря, означало не возникновение нового государства, а утверждение новой династии в государстве карлуков.

²⁹ Абул-Гази Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Соч. Абул-Гази, Хивинского хана. Пер. и предисловие Г. С. Саблукова с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова. Казань, 1906, с. 35.

³⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1976, с. 190.

³¹ Ставка главного кагана находилась в Куз-Орде, у берегов р. Чу, недалеко от Баласагуна, а ставка кагана-соправителя — на р. Тараз (Талас), у нынешнего г. Джамбула. См.: «Islam Ansyclopedia», 58 suz, Istanbul, 1953, s. 351.

³² Точнее бугра (так называли верблюда-самца). Махмуд Кашгарский пишет (см. его соч., т. I, с. 397), что слово «бугра» является титулом хана. Подробно см.: P r i t s a k O. Karachanidische Streitfragen. — «Oriens», v. 3, Leiden, 1950, N 2, S. 210—212; Die Karachaniden (Mit einer genealogischen Tabel). — «Der Islam», Bd. 31, 1953, S. 23—24.

³³ Бартольд В. В. Соч., т. IV, М., 1966, с. 52.

Главенствующую роль в нем по-прежнему играли карлуки, чигили, халаджи, ягма и др. Однако сама династия в востоковедческой литературе получила название караханиды³⁴, ввиду часто встречающегося в их титуле слова «кара» («черный»)³⁵. Караханиды почти не изменили традиционную систему управления, бытовавшую в государстве карлуков.

Во главе государства караханидов, как и прежде, находился верховный правитель с титулом Арслан-кара-хакан (Арслан-хан), ставка которого размещалась в Куз-Орде³⁶. Наряду с главным ханом (Арслан-кара-хаканом) у власти находился его соправитель — Богра-кара-хакан (Богра-хан). Обычно последний правил западной частью государства караханидов со столицей в г. Тараз, а временами — в г. Кашгар. В случае смерти Арслан-кара-хакана его место занимал Богра-хан, принимавший уже титул Арслан-кара-хан. Соправителем же его становился наследник прежнего соправителя. Как видно, организация верховной власти караханидов целиком отражала традиционную дуальную организацию государства карлуков.

Караханидские правители были карлуками. Об этом без всяких колебаний говорили В. В. Григорьев и Н. А. Аристов³⁷, а В. В. Бартольд писал: «Турки-мусульмане, овладевшие в конце X в. культурными областями Туркестана, несомненно, принадлежали к одной из тех турецких народностей, которые упоминаются географами X века в Семиречье»³⁸. Последними же упоминались чигили, халаджи, ягма и др., входившие прежде в племенную конфедерацию карлуков. Вероятно, В. В. Бартольд имел в виду одно из этих племен или карлуков в целом. В другом месте он отмечал, что карлуки занимали в государстве караханидов положение, «которое вполне соответствует положению огузов в сельджукидской империи»³⁹ (т. е. ведущую роль).

А. Ю. Якубовский констатировал, что «карлукам и родственным им племенам, объединенным династией караханидов (илек хани), без большого труда удалось сломить сопротивление Саманидского государства»⁴⁰. Известный турецкий ученый О. Прицак прямо утверждает, что династия караханидов вышла из правящего дома карлуков, игравших большую роль в степях Средней Азии⁴¹.

³⁴ Этот термин ввел В. В. Григорьев в работе «Караханиды в Мавераннахре по Тарихи Муниеджим-башни, в османском тексте». См. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», СПб., 1874, ч. XVIII, с. 189—200 и след.

³⁵ Слово «кара» (кара-хан), встречающееся в титулах караханидов, означает «могущественный» или «великий» хан. См. «Islam Ansyklapedisi», 58 suz, Istanbul, 1952, s. 252—253. Караханидских ханов называли также титулом илек (илиг). Слово «илек» входило в титул только двух «низших каганов»: Арслан илек и Бугра илек (ханы из династии караханидов). См.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, с. 520, прим. 1.

³⁶ Так называли (в IX—X вв.) г. Баласагун. Недалеко от него, по словам Махмуда Кашгарского, находился еще один город под названием Орду (Орда), где жили правители-хаканы. См.: Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. I, с. 145.

³⁷ Григорьев В. В. Караханиды в Мавераннахре, по Тарихи Муниеджим-башни, в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева.— Труды Восточного отделения Русского археологического общества, ч. XVIII, с. 192—197; Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— «Живая старина», СПб., 1896, вып. III—IV, с. 439 и след.

³⁸ Бартольд В. В. Соч. т. II, ч. I, М., 1963, с. 246.

³⁹ Бартольд В. В. Соч., т. I, М., 1963, с. 315.

⁴⁰ Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв., Л., 1932, с. 23.

⁴¹ Pritsak O. Op. cit., S. 210—212.

Караханидский период истории тюркских народов Средней Азии проходит два этапа. Первый этап охватывает середину IX—X в. Тогда территория караханидского государства ограничивалась северными областями Средней Азии: Семиречьем, Восточным Туркестаном и северо-восточными районами Ферганской долины, — т. е. теми же областями, которые находились под властью предыдущей династии карлуков.

Второй этап определяется с начала XI в., когда караханы окончателю одержали победу над саманидами и овладели Мавераннахром. Таким образом, возникло огромное государство караханидов, охватившее территории от Кашгара до Амударьи, включая часть Восточного Туркестана, Семиречья, Шаша (Ташкентский оазис), Фергану, территории древнего Согда и районы нынешней Сурхандарьинской области. Однако это феодальное государство караханидов не было цельным и прочным. Оно состояло из уделов, управляемых членами караханидского дома. Самым крупным уделом был Мавераннахр со столицей в Самарканде.

В течение XI в. из Семиречья в Мавераннахр переселились многочисленные группы карлуков, чигилей, халаджей, ягма, аргу, тухсы и другие тюркские племена. Они разместились в оазисах и степях Среднеазиатского междуречья. Но часть их все еще оставалась в Семиречье. После падения государства караханидов под ударом каракиданей (первая половина XII в.) карлукам, вытесненным к северу от р. Или, удалось образовать свое государство со столицей в Каялыке⁴². Оставшиеся в Семиречье карлуки и другие тюркоязычные племена впоследствии вошли в состав различных этно-политических объединений, участвовавших в формировании казахской и киргизской народностей.

В Мавераннахре жили значительные группы сородичей упомянутых племен, большая часть которых давно перешла к оседлости, иногда как некоторые из них все еще вели здесь кочевое и полукочевое хозяйство. Карлуки, чигили, халаджи, аргу, тухсы и другие, мигрировав в Среднеазиатское междуречье и переходя к оседлости, вошли в состав близкого им по культуре и быту местного тюркоязычного населения. В результате этнических взаимосвязей, продолжавшихся в течение второй половины X — первой половины XI в., завершается процесс формирования узбекской народности.

Политические и социально-экономические причины захвата караханами территории Мавераннахра убедительно раскрыты А. Ю. Якубовским⁴³. Не останавливаясь на этом вопросе, укажем лишь, что после миграции из Семиречья и Восточного Туркестана значительных групп тюркских племен в караханидском обществе происходит дальнейшее классовое расслоение. Основная территория пастбищ была захвачена кочевыми феодалами, которые сосредоточивали в своих руках огромное количество скота. Бедные же скотоводы быстро разорялись и переходили к оседлому земледельческому труду. Незначительная часть переселившихся племен (карлуки, чигили, халаджи и др.) продолжали вести кочевое и полукочевое хозяйство вокруг оазисов современного Узбекистана и Таджикистана.

Итак, карлуки сыграли существенную роль в этногенезе узбекской народности, сложение которой завершается в первой половине XI в., а дальнейшее развитие уже сформировавшейся узбекской народности протекает в эпоху развитого и позднефеодального общества.

⁴² Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 471, 472.

⁴³ Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., с. 23—26.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

7

1982

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года



К 2000-летию Ташкента

К. Ш. ШАНИЯЗОВ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКЕ ТАШКЕНТА*

Территория Ташкента и Ташкентской области с древнейших времен была одним из культурных очагов Средней Азии. Здесь, видимо еще в III в. до н. э., возникло крупное государство рабовладельческой эпохи — Кангюй, просуществовавшее до середины V в. н. э.

Кангюй упоминается в древних источниках уже в конце III — начале II в. до н. э. Его основное владение, именуемое в хрониках Лоюени, размещалось рядом с Даванью (Фергана)¹, к северо-западу от последнего, что соответствовало Ташкентскому оазису.

Укрепление и расширение государства Кангюй происходит во II в. до н. э. Ему была подчинена значительная территория между Ташкентским оазисом и Аральским морем. Со второй половины II в. до н. э. в зависимости от Кангюя находился и Согд, включая верховья Кашкадарьи². К I в. до н. э. Кангюй достиг наивысшей точки своего могущества.

В начале I в. н. э. к югу от владений Кангюя образовалась мощная Кушанская империя, которая положила конец политической власти Кангюя над Согдом. Однако вскоре Кангюй скомпенсировал свои утраты на юге за счет экспансии на территории западных и северо-западных соседей. В I—II вв. н. э. под властью Кангюя находились Яньцай — союз сармато-аланских племен, расселившихся на северных берегах Каспия, и область Янь³, где жили племена лесного Приуралья. Признавая свою зависимость от Кангюя, они платили ему дань. С падением могущества Кангюя эти земли постепенно теряются, и кангюйские владения, как и в древности, ограничиваются средней частью правобережья Сырдарьи, главным образом Ташкентским оазисом и прилегающими к нему горными и предгорными районами.

Во II в. до н. э. — II в. н. э. под властью Кангюя находились пять малых владений. Одно из них — Юни, правитель которого жил в одноименном городе — Юни или Юйни⁴. Область и город Юни находились в стране Лоюени, территория которой входила в состав государства Кангюя. С 438 г. Ташкентский оазис именуется в источниках Чжеше, а в начале VII в. — Чжечжи, Чжеси, или Ши⁵. Эту культурную область, как и Лоюени⁶, источники помещают на северо-западе от Ферганской долины. В таком случае, географическое расположение

* В порядке обсуждения.

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950, с. 150, 184. Здесь и ниже, используя данные древних хроник, мы сохраняем принятую в них передачу местных названий населенных пунктов, исторических областей и т. п.

² Там же, с. 271—275.

³ Там же, с. 229.

⁴ Там же, с. 186.

⁵ Там же, с. 264, 313.

⁶ Лоюени поясняется как «тюрк улуг ери» (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. III, с. 185) — «великое владение тюрков». По всей вероятности, здесь имеется в виду основное владение Кангюя — средняя часть правобережья Сырдарьи, включая Ташкентский оазис.

Лоюени и Чжеджи, или Ши, вполне совпадает. Отсюда мы полагаем, что Ташкентский оазис и прилегающие к нему районы можно идентифицировать с Лоюени, Чжеджи (Чжеси, или Ши). Следует отметить, что термин Ши не всегда обозначал всю территорию Ташкентского оазиса; владение под этим названием в VI — начале VIII в. н. э. ограничивалось лишь долиной реки Чирчик⁷. Об этом говорит тот факт, что в указанные периоды долина Чирчика называлась Малый Ши, что идентично с древней территорией Малого Кангюя — Юни. Долина Ахангарана⁸ в VI — начале VII в. была отдельным владением⁹, именуемым в источниках Ми¹⁰.

О Ши как об отдельном владении говорят и следующие данные. Как уже отмечалось, ранние источники утверждали о смежности границы Кангюя с Ферганской долиной. А по данным хроник конца VI — начала VII в., Ши находился от Ферганы на расстоянии около 200 км¹¹, что приблизительно соответствует расстоянию от границ указанной долины до районов р. Чирчика и г. Ташкента. Согласно сведениям тех же источников, Ши находился примерно в 70 км от Ми¹², что также соответствует расстоянию от р. Ахангаран до районов Ташкента. Долины Ахангарана и Чирчика и в IX—XII вв. были отдельными, но тесно связанными в экономическом и политическом отношении областями, зависевшими от Западного и Восточного каганатов, а позднее — от карлуков и каракидов.

Приведенные выше данные убеждают нас в том, что область Чжеси, или Ши, в VI—VII вв. соответствовала долине р. Чирчик, которая в этот период называлась Малый Ши¹³, что идентично ее древнему названию Юни. Аналогичное мнение высказал В. В. Бартольд. Он писал, что упомянутая в древних хрониках (со II в. до н. э.) область Юни «позже совпадает с районом Ташкента; позднее та же область называется Чжеси»¹⁴.

В средней части долины Чирчика находилась резиденция местного правителя, которая в древности, как и область, называлась Юни, а позже Чжеси. Эти топонимы давно привлекали внимание историков, востоковедов, археологов и представителей смежных дисциплин, однако в вопросе их локализации до сих пор нет единого мнения.

М. Е. Массон писал, что Юни располагается на территории Таш-

⁷ Иранское название р. Чирчик — Парк, Парак, тюркское — Чир, откуда произошло уменьшительное Чирчик, появившееся в эпоху Тимура (см.: Бартольд В. В. Сочинения, т. III, М., 1965, с. 218).

⁸ Источники домонгольской эпохи называют эту реку рекой Илека; название Ахангаран («железных дел мастера») появляется в монгольский период. Ангрэн — позднейшее искажение Ахангарана (см.: Бартольд В. В. Сочинения, т. III, с. 216).

⁹ Деление Ташкентского оазиса на два отдельных владения произошло, видимо, вскоре после подчинения государства Кангюй власти эфталитов, т. е. во второй половине V в. н. э.

¹⁰ В источниках говорится о двух разных районах под названием Ми. Один из них находился (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 315) недалеко от Самарканда. Другой вполне соответствует долине р. Ахангаран (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 274, 286).

¹¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 273, 282. В другом месте той же хроники (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 285) расстояние от Ши до Бохани (Фергана) определено примерно в 170 км.

¹² В хрониках (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 276, 286), хотя и упоминается резиденция правителя области Ми (долины р. Ахангаран), однако не указывается ее название и место нахождения. По всей вероятности, это был г. Тункент, являвшийся административным центром области Илека (Ми) в IX—X вв. В Илеке тогда находился один из монетных дворов Мавераннахра, другой монетный двор был в Самарканде. (см.: Китаб масалик ал-мамалик ал-Истахри, пер. с араб. Л. З. Писаревского. — В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии, М., 1973, с. 20; Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент., 1953, с. 32—37).

¹³ Название Малый Ши относилось к нескольким местным географическим пунктам: Нахшеб (Несеф, Карши), Кеш (Шахрисабз) и др. Здесь речь идет о Малом Ши, который относится к Ташкентскому оазису, вернее долине р. Чирчик (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 329).

¹⁴ Бартольд В. В. Сочинения, т. III, с. 499.

кента, г. Чжеси возник на его месте позднее¹⁵. При этом он не указывает конкретно, в каком именно районе Ташкента был расположен древний Юни. Существует и ряд других предположений о столичном городе правителя Шаша доарабского периода. О. Г. Большаков высказал мнение, что главным городом оазиса в IX—XII вв., как и до этого, был Бинкет (нынешний Ташкент), который в VIII в. по имени всей области называли Шашем¹⁶. Однако это предположение было опровергнуто археологами, которые на материалах раскопок доказывают, что на месте Бинкета город сложился лишь с IX—X вв.¹⁷ Юни и Чжеси, упомянутые в исторических хрониках, Ю. Ф. Буряков рассматривает как два отдельных города, возникших в пределах Ташкентского оазиса¹⁸. При этом он отождествляет Юни с городищем Канка, в Чжеси — с Мингурюком на Саларе. В. А. Булатова высказала свое несогласие с такой локализацией. По ее мнению, Чжеси скорее всего располагался на среднем течении Чирчика, на месте городища Ханабад, возникшего как город в V—VII вв. н. э.¹⁹

Ю. Ф. Буряков правильно отождествляет Чжеси с городищем Мингурюк; сопоставление же древнего Юни с Канкой вызывает сомнение. Основным доводом автора было то, что «все крупнейшие городские центры Чача имеют более позднее происхождение»²⁰, а Канка — самый древний город оазиса и потому, утверждает автор, Юни можно локализовать «на месте античной Канки»²¹. Как видим, Ю. Ф. Буряков весьма категорически утверждает об отсутствии городов в Чаче в ранний кангюйский период. Ведь культура Каунчи I (I в. до н. э. — II в. н. э.) в какой-то степени говорит о наличии городских поселений в данном районе. Нам представляется, что дальнейшие археологические работы на территории оазиса могут дать новые материалы, подтверждающие бытование древних городов не только в пределах области, но и в районе нынешнего г. Ташкента. Однако и сейчас на основе анализа исторических и археологических данных мы считаем, что древний город Юни, как и поздний Чжеси, находился в пределах г. Ташкента.

Обратимся к данным источников. В одной из хроник указывается, что кангюйский владетель пребывает в стране Лоюени, г. Битянь²². Здесь ясно говорится, что столицей основного владения Кангюя — Лоюени был в ту пору Битянь, а не Юни, как полагает Ю. Ф. Буряков. В таком случае Битянь, видимо, может быть отождествлен с древним городом Канкой, находившимся, как и первый, в пределах Ташкентского оазиса. Об этом свидетельствуют следующие данные. Канка — самый древний из городских пунктов оазиса, возникновение которого относится к III—II вв. до н. э.²³ Битянь как столичный город упоминается в хронике II—I вв. до н. э. Напомним, что в данной хронике говорится не о возникновении города, а о факте его сущест-

¹⁵ Массон М. Е. Прошлое Ташкента. — «Известия АН УзССР», 1954, № 2, с. 107.

¹⁶ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 195.

¹⁷ Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 64; Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 72, 120.

¹⁸ Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 35—36, 63—64.

¹⁹ Древности Ташкента, с. 18, 20. М. Е. Массон (Ахангеран, с. 41) отождествляет городище Ханабад со средневековым городом Нуджкент.

²⁰ Развалины этого древнего города (Канкатепа — городище Канка) находятся на территории Аккурганского района Ташкентской области, в 8 км к востоку от Сырдарьи. См.: Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса, с. 31. М. Е. Массон отождествляет развалины городища Канка с Харашкетом арабских авторов X в. (Истахри, Ибн Хаукаль, Макдиси и др.). Эта локализация не находит возражений в работах других исследователей. См.: Массон М. Е. Ахангеран, с. 114; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ. соч., с. 199; Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 31.

²¹ Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 35.

²² Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 184.

²³ Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 35.

ования как резиденции кангюйского правителя. Отсюда можно полагать, что Битянь как город возник раньше, быть может, в III в. до н. э., т. е. в период, к которому археологи относят возникновение г. Канки. Они упоминаются одновременно с Битянем не как резиденция правителей Кангюя, а как центр одного из малых (подчиненных) владений и поэтому Юни ни в коем случае не может быть отождествлен со столичным городом кангюйцев — Канкой.

Приведем еще один немаловажный факт. Битянь — Канка находился в пределах Ташкентского оазиса (т. е. Лоюени)²⁴. От границ последнего на расстоянии семи дней пути была расположена летняя ставка правителя Кангюя. В одной хронике сообщается, что «владелец зимою в холодное, а летом в жаркое время живет не в одном месте, а в разных»²⁵.

Как видно, Кангюй в ту пору был государством полуоседлых племен. Значительное число жителей наряду с земледелием занимались и скотоводством. В весенние и летние периоды скотоводы откочевывали на летние пастбища. Правители Кангюя, также бывшие крупными скотовладельцами, тоже переносили свою резиденцию ближе к летним кочевьям. Летняя ставка их находилась значительно севернее их зимней резиденции, вероятнее всего, на месте средневекового города Отрар (Фараб)²⁶. Расстояние от границ долины Чирчика до Отрара (приблизительно около 270 км) караванной дорогой можно было пройти за 7 дней, т. е. за время, необходимое для перехода²⁷ из районов зимовки в области Лоюени до летней ставки Кангюев, о чем говорилось в упомянутой хронике.

Из приведенных данных можем заключить, что Юни — это не древний город Канка. Последний может быть сопоставлен с Битянем, упомянутым в исторических хрониках II—I вв. до н. э. Некоторые авторы IX—XIII вв. (Белазури, Табари, Якут и др.)²⁸ называют резиденцией владетеля Шаша Тарбанд. Этот топоним встречается и в тюркоязычных письменных памятниках VIII в. в форме Кангу Тарбан (или Кангу-Тарман)²⁹, как обозначающий западные пределы Восточно-тюркского каганата. Бабур в числе городов, расположенных далеко к северу от границ Ферганы, упоминает г. Тураркент, который был разрушен в период нашествия монголов и междоусобных войн узбекских ханов³⁰. Тождественность его с Тарбандом более ранних источников не вызывает сомнений.

М. Е. Массон полагал, что Тарбанду соответствовал Мингурюк, расположенный в г. Ташкенте³¹. В. В. Бартольд в свое время сомневался в локализации этого города в районе Ташкента³². С. Г. Кляшторный справедливо отождествляет Тарбанд с Отраром³³. Однако нельзя согласиться с тем, что Кангу—Тарбанд, упомянутый в руни-

²⁴ В хронике (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 186) говорится, что от Давана (Ферганы) до кангюйского города Битянь свыше 500 км. Здесь расстояние слишком преувеличено. В древних хрониках расстояния между географическими пунктами часто даются приблизительно и не всегда соответствуют действительности.

²⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 184, прим. 2.

²⁶ Развалины этого города расположены в 7 км к северо-востоку от нынешней ж.-д. ст. Тимур (между гг. Арысь и Туркестан).

²⁷ Дневной переход составлял от 4 до 6 фарсахов (фарсангов). См.: Бартольд В. В. Сочинения, т. III, с. 123, 124, 146, 148. Один фарсах — около 8 км. Если караван проходил в среднем 5 фарсахов (около 40 км) в день, то расстояние в 270 км он покрывал за 7 дней.

²⁸ Подробную информацию об этих источниках см.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 155—156.

²⁹ Малов С. М. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 39; Кляшторный С. Г. Указ. соч., с. 155.

³⁰ Захириддин Мухаммед Бабур. Бабур-наме. Казань, 1857, с. 2.

³¹ О месте расположения городища Мингурюк см.: Массон М. Е. Ахангеран, с. 41; Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 65.

³² Бартольд В. В. Сочинения, т. III, с. 219, 499.

³³ Кляшторный С. Г. Указ. соч., с. 160.

ческих памятниках, принимается им за один и тот же город, т. е. Тарбанд. Нам представляется, что Кангу и Тарбанд — два самостоятельных города античности и раннесредневекового периода. Первый из них находился на территории Ташкентского оазиса и может быть локализован с городищем Канка, а второй (Отрар) — в низовьях р. Арысь. С образованием полузависимого владения Ши (Шаша) со второй половины V в. Отрар оставался во владении правителей Шаша. В VII — начале VIII в. правители Шаша, хотя и находились в зависимом положении от Тюркского каганата, тем не менее продолжали удерживать в своих руках ряд территорий по среднему течению Сырдарьи, в том числе район Отрара, куда, видимо, в летние периоды переносили свою резиденцию, как это делали прежде правители Кангюя. Однако основная столица правителей Шаша находилась в районе Ташкента, который в источниках именуется Чжеси. Город Канка (у арабских географов — Харашкет) функционировал до начала XIII в. и был разрушен войсками Чингисхана³⁴.

Теперь о топониме Чжеси. В одной из хроник сказано: «Шийский владетель живет при реке Иоша»³⁵, т. е. Сырдарье. То же самое говорится и в другом источнике³⁶. Если принять во внимание указанные сообщения, то г. Чжеси следовало бы поместить у р. Сырдарьи (Иоша), ибо, по их данным, ставка правителя Ши (Ташкентского оазиса) находилась на этой реке. Однако тщательный анализ сообщений хроник не дает повода к такому отождествлению.

Говоря о резиденции правителя Ши, эти же хроники отмечали, что «по юго-восточную сторону резиденции есть здание, посреди которого поставлено седалище»³⁷, т. е. престол. Согласно археологическим данным, цитадель городища Мингурюк находилась также в «юго-восточной, несколько возвышенной части Шахристана»³⁸. Как видно, данные исторических хроник в точности совпадают с археологическими сведениями, что во многом облегчает наше предположение об отождествлении города Юни—Чжеси с городищем Мингурюк.

Некоторую ясность по данному вопросу вносит также сообщение древнего хрониста о том, что владетель Ши «пребывание имеет в городе Чжеси. Это место принадлежало городу Юни малого кангюйского владетеля. На юго-западе есть река Иоша... называется Чжень-Чжу-хе или Чжи-хе»³⁹; на юго-востоке есть большая гора, производящая жемчужный камень».

Из этих данных нетрудно понять, что ставка владетеля Ши, г. Чжеси, находился в пределах Ши, т. е. в районе средней части Чирчика, и это место принадлежало прежде городу Юни. Как видно из указанного источника, река Иоша (Сырдарья) находилась к юго-западу от ставки владетеля Ши, г. Чжеси. Горы, о которых пишет хронист, несомненно, соответствуют Кураминскому и Чаткальскому хребтам, где якобы добывали «жемчужные камни»⁴⁰. Из этих, весьма не-

³⁴ Бартольд В. В. Сочинения, т. III, с. 220.

³⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 272.

³⁶ Там же, с. 282.

³⁷ Там же, с. 272, 282. По всей вероятности, здесь речь идет о цитадели.

³⁸ Булатова В. А. Историко-топографический обзор района Ташкента. — В кн.: Древности Ташкента, с. 118.

³⁹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 313. Иранское название Сырдарьи в древности было, очевидно, Яхша арта («превосходная жемчужина»), которое упомянутые хроники перевели как Иоша (см.: Maqquart I. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898. S. 5), а гидронимами Чжень-Чжу-хе (Чжи-хе) они переводят тюркское название средней части Сырдарьи Пенчу-угуз, тоже означавшее «жемчужная река» (см.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 41).

⁴⁰ По всей вероятности, здесь имелся в виду не жемчуг в подлинном смысле этого слова, а скорее всего намекалось на наличие ценных металлов, бирюзы и др., которые действительно имелись в недрах этих гор, о чем несколько позже писали арабо-персоязычные авторы. См.: Китаб масалик ал-мамалик ал-Истахри, пер. с араб. Л. З. Писаревского; [Китаб] масалик ал-мамалик ал-Истахри, пер. с перс. З. Н. Во-

многочисленных сведений исторических хроник можем резюмировать, что Чжеси и Юни — это разные названия одного и того же города.

В таком случае Юни, как и поздний Чжеси, находился на территории Ташкента и может быть локализован с городищем Мингурюк, расположенным у канала Салар. Такое же предположение вытекает и из анализа ряда других сообщений источников, приведенных выше. Например, в них говорится, что Бахона (Фергана) находится к югу от Ши (долина р. Чирчик)⁴¹, и действительно, Ферганская долина расположена к югу, вернее к юго-востоку от района Ташкента.

В. А. Булатова и Ю. Ф. Буряков отрицают наличие городского образования на территории современного Ташкента времени Юни (II в. до н. э. — I в. н. э.)⁴². В то же время они допускают существование здесь «не в ранге столицы, но все же достаточного по тем временам города»⁴³. Ведь в сообщениях исторических хроник говорится о Юни—Чжеси не как о крупном столичном городе типа Битянь—Канка, а лишь как о резиденции одного из малых зависимых от правителя Кангюя владетелей. Естественно, что место пребывания его могло быть небольшой по размерам крепостью. В последующие века, особенно в VI—VII, площадь его значительно выросла, что подтверждается археологическими раскопками⁴⁴.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что Чжеси — это позднее название Юни, расположенного в районе Ташкента; первый топоним получил свое наименование от данной области или наоборот — она получила свое название от города. Иначе, Чжеси, или Ши, — это название Ташкента и Ташкентского оазиса, которые прежде именовались Юни (Юйни).

Нам представляется, что упомянутые в древних хрониках обозначения Ши, Чжеси являются переводом давно бытовавших терминов Чач, или Шаш. Топоним Чач как название гор, окружавших Ташкентский оазис, был известен еще в 262 г. н. э.⁴⁵ Позже (IX—XII вв.) он, т. е. Чач (Шаш), часто упоминается в арабо-персидских источниках⁴⁶. Абу Райхан Беруни (конец X — начало XI в.) писал, что слово Шаш «взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Ташканд, то есть каменное селение»⁴⁷. О Шаше говорит и Махмуд Кашгарский. Он сообщает: «Шаш — это название города, его настоящее название Тош-канд — город, построенный из камня»⁴⁸. Э. Шаванн, подвергая тщательному анализу древние знаки, обозначавшие Чжечжи, Чжеси и Ши, пришел к выводу, что они употребляются в значении «камень», что соответствует более позднему тюркскому названию города — Ташкент⁴⁹. В. В. Бартольд, подтверждая мнение Э. Шаванна, писал относительно транскрипции указанных знаков, что она «несомненно соответствует известному в мусульманское время туземному названию Чач...», или арабский Шаш⁵⁰.

рожейкиной; Джехан-наме Мухаммеда ибн Наджиба Бекрана, пер. с перс. З. Н. Ворожейкиной. — В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, с. 19, 20, 29, 48, 50.

⁴¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 313.

⁴² Булатова В. А. Историко-топографический обзор района Ташкента. — В кн.: Древности Ташкента, с. 117; Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса, с. 63—64.

⁴³ Булатова В. А. Указ. соч., с. 117.

⁴⁴ Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 66.

⁴⁵ Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты. — «Эпиграфика Востока», вып. XVIII, М.—Л., 1967, с. 16.

⁴⁶ См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939, с. 76, 144 и др.; Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. I, с. 19—22, 28, 29 и др.

⁴⁷ Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. II. Ташкент, 1963, с. 271.

⁴⁸ Махмуд Қошғарий. Девону луғатит турк. Т. I. Ташкент, 1960, с. 414; т. III, Ташкент, 1963, с. 164.

⁴⁹ Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et Commentaires par ed. Chavannes. St.-Ptb., 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI), с. 140.

⁵⁰ Бартольд В. В. Сочинения, т. III, с. 499.

Чжеси был не единственным городом на территории или поблизости Ташкента. В этом районе в хронике упоминается еще два города: Суду и Нушигйе⁵¹.

В источнике рассказывается, что преследуемый противниками западнотюркский хан Хэлу со своим сподвижником Шунэу в 656 г. бежали и «пришли в Ши к городу Суду. Лошади не могли идти, войско томилось голодом. Предложили дорогую цену за впуск в город и покупку лошадей»⁵². Из этого сообщения видно, что Суду в ту пору был довольно укрепленным городом и находился где-то в районе Ташкента. Тот же источник, описывая события 742—755 гг., упоминает г. Нушигйе, называемый также Синчен⁵³, находившийся в Малом Ши, т. е. Ташкентском оазисе (по всей вероятности, в средней части р. Чирчика). Таким образом, в районе Ташкента в VI—VIII вв. упоминается три города: Чжеси, Суду и Нушигйе (Синчен). Первый из них может быть локализован на городище Мингурук, а отождествление двух последних остается открытым.

Из всего сказанного представляется возможным сделать следующие выводы. Древний город Юни в IV—VII вв. именовался Чжечжи, Чжеси или Ши — так составители хроник передавали местное название древнего Ташкента. Он находился в средней части долины р. Чирчик, вероятно, у канала Салар, на месте известного городища Мингурук. Возник он в середине I в. до н. э. в виде небольшого города-крепости, служившего резиденцией местного шашского правителя. В IV—VI вв. город вырос и в VII—VIII вв. имел уже значительные размеры. Позднее резиденцией местного шашского правителя становится г. Бинкент, возникший на территории «старого города» Ташкента.

Помимо Чжеси, в пределах Ташкента и поблизости от него в VI—VIII вв. существовали и другие города-крепости, как Суду и др.

Хотя каждый из них имел свое наименование, в культурно-экономическом отношении они были тесно связаны между собой и, очевидно, составляли в прошлом территорию, которая позже входит в состав современного Ташкента.

К. Ш. Шониёзов

ТОШКЕНТНИНГ ТАРИХИЙ ТОПОНИМИКАСИ ҲАҚИДА

Ўзбекистон пойтахти — Тошкентнинг 2000 йиллигига бағишланган бу мақолада муаллиф кўҳна хроник маълумотларни ўрганиш асосида қадимий шаҳарнинг атамалари ва ўрин-жойлари ҳақидаги ўз фикрини ёритади.

⁵¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 292.

⁵² Там же.

⁵³ К северо-востоку, на расстоянии около 70 км от Ши, находилось владение, которое также именовалось Синчен (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. II, с. 329). Вероятно, это владение находилось в районе нынешнего Турбата и Янгибазара (КазССР).